

**БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС
1958-1961г.г.
И ЕГО УРОКИ**

УДК 940.55 (430.2)
ББК 63.3(4г)723:66.3(4г)
С84

Рецензент: доцент Левкович А.И.,
кандидат философских наук;
Ответственный редактор: доцент Корнев П.И.,
кандидат исторических наук.

СТРЕЛЕЦ М.В.
С 84 БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС 1958-1961гг. И ЕГО УРОКИ—Брест:
Издательство С.Лаврова, 1997. — 16 с.

ISBN 976-6472-14-7

До сих пор историки ломают копья в спорах по следующему вопросу: «Что же предшествовало сооружению Берлинской стены?» Автор настоящей научной брошюры попытался внести свою лепту в дискуссию по данному вопросу. При этом он привлекает ряд новых документов и материалов. Издание рассчитано на историков, политологов, специалистов-международников.

ББК 63.3(4г)723:66.3(4г)

ISBN 976-6472-14-7

©Стрелец М.В., 1997

БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС 1958-1961 г.г. И ЕГО УРОКИ

Предмет нашего исследования — Берлинский кризис 1958-1961 годов и его уроки. Разумеется, в начале есть смысл остановиться на истоках Берлинской проблемы. Известно, что завершающим аккордом второй мировой войны в Старом Свете явилась операция по захвату Берлина, блестяще осуществленная советскими войсками. Поэтому именно СССР поначалу монополично контролировал обстановку в столице разгромленного «третьего рейха». Так было до июля 1945 года, когда начала отсчет своей деятельности Союзная Комендатура Берлина, в которой были на паритетных основах представлены СССР, США, Великобритания и Франция. С середины июня 1948 года этот орган перестал существовать де факто. Вместе с тем продолжали существовать и де факто, и де юре советский, американский, английский и французский секторы Берлина. Заметим, что еще до свертывания работы Союзной Комендатуры западные союзники Кремля вначале создали Бизонию, а затем Тризонию, что противоречило цели создания единой Германии, провозглашенной Потсдамской конференцией 1945 года. 18 июня 1948 года они предпринимают новый шаг, несовместимый с решениями данной конференции. Тризония, западные секторы Берлина становятся объектами денежной реформы, проводимой по американским рецептам. Москва ответила на данную реформу авантюрой, установив блокаду Западного Берлина. После того, как в мае 1949 года эта блокада была снята, стало ясно, что и СССР, и его западные союзники не отступят от курса на раскол Германии. 7 сентября 1949 года возникает Федеративная Республика Германия, 7 октября 1949 года — Германская Демократическая Республика. Первая явилась продуктом американской стратегии, вторая — советской. И после седьмого октября 1949 года внутри столицы ГДР Берлина продолжали сохраняться советский, американский, английский и французский секторы. ХДС/ХСС, СвДП справедливо считали, что германский раскол будет сохраняться долго. С ними были не согласны социал-демократы, выступавшие против членства ФРГ в НАТО, в поддержку плана А.Рапацкого.

Точка отсчета Берлинского кризиса (1958-1961 г.г.) — 27 ноября 1958 года, выдвигание пресловутого кремлевского ультиматума.

Для понимания личностного аспекта в советской политике в период второго берлинского кризиса определенный интерес представляет свидетельство А.Александрова-Агентова, который на протяжении многих лет был посвящен в тайны кремлевской дипломатической кухни. В своей статье «Министр иностранных дел Андрей Громыко» он пишет: «Осенью 1958 года... Громыко с двумя своими сотрудниками явился к Хрущеву в его кабинет в ЦК, чтобы доложить свои соображения о наших дальнейших демаршах по... вопросу о Западном Берлине. Андрей Андреевич надел очки и начал было читать подготовленную записку. Но Хрущев сразу же прервал его и заявил: «Погоди, ты вот послушай, что я скажу,— стенографистка запишет. Если совпадет с тем, что у тебя там написано,— хорошо, а если нет,—выбрось свою записку в корзинку». И начал диктовать (как всегда сумбурно и неряшливо по форме, но достаточно ясно по смыслу) свою идею насчет провозглашения Западного Берлина «вольным демилитаризованным городом». ^{<1} Грубо нарушив решения Потсдамской конференции 1945 года, Кремль фактически решил передать этот город под суверенитет Восточной Германии. В ультимативной форме от США, Великобритании и Франции требовалось полностью вывести в течении шести месяцев их войска из Западного Берлина. Тем самым три великие державы должны были признать недействительной соответствовавшую интересам ФРГ шестую статью Парижских соглашений.

Анализируемый ультиматум Н.С.Хрущева был фактически повторен в предложенном Кремлем проекте германского мирного договора от 10 января 1959 года. ^{<2}

Вполне логичным представлялся тот пункт советского проекта, в котором признавалось право будущей объединенной Германии иметь свою армию. Однако Москва неадекватно оценивала уровень оборонительной достаточности предполагаемого бундесвера, по-прежнему полностью исключая из его возможных арсеналов носители ядерного оружия.

Текст анализируемого документа свидетельствовал о сохранении коллизионного момента в отношениях между СССР и ФРГ, связанного с их подходами к вопросу о границах. Заметим, что в этом вопросе советская сторона находила взаимопонимание с некоторыми из своих бывших союзников по антигитлеровской коалиции и прежде всего с Францией.

Традиционно представляя проектируемую воссоединенную Германию нейтральным государством, Кремль вновь не давал обоснованный ответ

скептикам, озабоченным потенциальным возникновением неконтролируемого центра силы в Европе. В список предполагаемых подписантов мирного договора включались СССР, США, Великобритания, Франция, ГДР и ФРГ. Заметим, что Бонн по-прежнему имел основания ставить вопрос о недостаточной легитимации руководства Восточной Германии. Соглашение между СССР и ГДР 1957 года, в котором регулировались правовые вопросы, связанные с советским военным присутствием в этой стране, было разработано и подписано за спиной ее народа. Согласно букве соглашения, Группа Советских Войск в Германии (ГСВГ) должна была существовать до решения немецкого вопроса. Фактически же у тогдашних кремлевских стратегов не могло быть и мысли о ГСВГ как о какой-то временной структуре. Для них диктатура СЕПГ представлялась такой же вечной как и ее главная опора — советское военное присутствие.

Запад отверг кремлевский ультиматум. Правительство К.Аденауэра квалифицировало его как шаг, резко противоречащий интересам ФРГ.

Заметим, что в контрпрограммах оппозиционных парламентских политических партий ФРГ, появившихся в ответ на советский план германского мирного урегулирования, наряду с решительным осуждением кремлевского ультиматума от 27 ноября 1958 года, сохранялся значительный кредит доверия к СССР, по-прежнему с интересом воспринимался план А.Рапацкого, находилось рациональное зерно в тех изменениях к нему, которые были внесены руководством Польши в ноябре 1958 года.

Весной 1959 года увидел свет план СвДП. Либералы считали целесообразным одновременное подписание трех договоров: германского договора, договора об обеспечении европейской безопасности и пакта о создании безъядерной зоны в Европе.^{<3}

Воспользовавшись первоначальным отсутствием ясной концепции федерального правительства по анализируемой проблеме, парламентская фракция СДПГ предложила создать специальную группу, которая должна была разработать собственные предложения СДПГ на предмет европейской безопасности и воссоединения. В состав группы, утвержденный президиумом партии, вошли: Г.Венер, Ф.Эрлер, Г.Хайнеманн, К.Маттик, Э.Мейер, Э.Пауль и Г.Шмидт. Важнейшую роль в данной группе играл Г.Венер. Уже на заседании фракции в декабре 1958 года он выступил за всеобъемлющую концепцию, в которой должны были содержаться как предложения для совместного регулирования общеевропейских проблем безопасности — в соответствии с измененным

планом Рапацкого, а также мирный договор с воссоединенной Германией. При этом Г.Венер заявлял, что нельзя будет обойти факт существования двух германских государств.

«Германский план» СДПГ предусматривал, чтобы четыре великие державы созвали конференцию по подготовке мирного договора.

На этой конференции должна была быть образована постоянная комиссия, в которой с правом совещательного голоса участвовали бы представители ФРГ и ГДР. Авторы плана выступили за создание системы безопасности в Европе, выход ряда стран Центральной Европы из их военных союзов (ФРГ, ГДР, Польши, Чехословакии и Венгрии), вывод из этого района иностранных войск и превращение его в безатомную зону».

< 4

Хотя большинство ведущих социал-демократических политиков осознавало, что решающим недостатком всех предложений, разработанных СДПГ для международных конференций по германскому вопросу с 1954 года, являлось отсутствие конкретизации и прежде всего недостаточное переплетение отдельных фаз создания европейской системы безопасности с этапами воссоединения, отдельные положения концепции Г.Венера с самого начала натолкнулись на скептическое отношение и даже скрытое неприятие со стороны многих членов фракции.

Концепция Г.Венера разошлась в центральном пункте с прежней, предначертанной Куртом Шумахером позицией: вместо избранного путем свободных выборов Национального собрания, уполномоченного принять конституцию, законы и образовать правительство, в плане Г.Венера в ходе первых двух фаз процесса воссоединения большинство решений принималось бы общегерманским советом, составленным на паритетной основе.

Этот план свидетельствовал, что социал-демократы делали шаг навстречу плану создания Германской конфедерации, выдвинутому правительством ГДР в его заявлении «Путь немецкой нации к обеспечению мира и воссоединению Германии» от 27 июля 1957 года.^{< 5} Кстати, проводя политику с двойным дном, Кремль фактически был против идеи конфедерации.

На предмет анализируемого плана по германскому вопросу столкнулись две линии: линия Г.Венера и линия Ф.Эрлера.

Наличие этих линий явственно обозначилось в середине 50-х годов. Начиная с осени 1954 года, то есть решающей фазы дебатов по западным договорам, Г.Венер пытался, в периодически повторяемых предложениях выступать за «максимум нормальных отношений» в технической,

финансовой и экономической области между федеральным правительством и «правительством советской зоны» и одновременное проведение принципиальных идеологических дебатов с СЕПГ.^{< 6} В документе, подготовленном в марте 1956 года для правления СДПГ, он отмечал, что федеральное правительство не должно больше обходить вопрос «о регулировании отношений с ГДР».

Ядро линии Эрлера состояло в следующем: сделать СДПГ коалиционно способной и способной вовне (в особенности по направлению к Западу). Исходя из этих оснований, он вместе с Х. Дайстом внес некоторые существенные коррективы, которые касались избежания понятия «социализация» и объема отраслей экономики, которые должны перейти «в руки общества» во всей Германии. Эти коррективы содержались в их «Комментариях к германскому плану». Эрлер и Дайст выступили с «Комментариями...» перед опубликованием данного плана в апреле 1959 года.^{< 7}

Влиятельные силы в СДПГ во главе с Эрлером стремились дать такую интерпретацию германского плана и так его дополнить, чтобы он в ряде существенных моментов совпадал с планом Гертера, одобренным США, Англией, Францией.^{< 8} Этот план был вполне совместим с подлинными интересами европейской безопасности и германского мирного урегулирования.^{< 9}

Заметим, что в СДПГ и в СвДП были деятели, которые с самого начала подчеркивали иллюзорность анализируемых планов данных партий. В. Брандт писал: «Я не нашел в них должного реализма. И имя мое никогда не употреблялось в связи с этими документами».^{< 10}

После истечения срока, на который был рассчитан кремлевский ультиматум, данный политик был убежден, что «новая (советская — <MI>М.С.<M>) атака на Берлин — это лишь вопрос времени и подходящего случая».^{< 11} Не случайно в это время он «разработал целый список вопросов, по которым, как... (он — М.С.) полагал», СДПГ придерживается «единого мнения с другими партиями». «Фриц Эрлер представил эти краткие выводы в бундестаге, что, однако, не дало ощутимых результатов».^{< 12}

Давление реалистических сил, проявившееся в ходе обсуждения Германского плана СДПГ, еще более усилилось на съезде СДПГ в Годесберге в ноябре 1959 года. Главным пунктом повестки дня съезда явилось принятие «Программы принципов». В проекте программы.

представленном партийным правлением, имелся специальный раздел «Оборона страны». Этот раздел не представлял ничего нового по сравнению с решениями Штутгартского съезда СДПГ. Он явился своеобразным подведением итогов позиции партии по вопросам обороны и безопасности в последние годы. В программе было записано: «Социал-демократическая партия Германии выступает в защиту свободного демократического строя. Она настаивает на необходимости обороны страны». <¹³

Это краеугольное программное положение нельзя оторвать от тех мотивов, которыми руководствовались реалистически мыслящие социал-демократы. Ф. Эрлер сделал на съезде следующее заявление: «Мы боремся не против государства, а за государство и хотя не за государство далекого будущего, не только за государство в воссоединенной Германии, но также и прямо за государство в этой Федеративной Республике, которой мы хотим и будем управлять... Мы боремся за политическую власть... а для этого нужно доверие народа, которое мы завоеваем в необходимом масштабе, если мы покажем, что мы в состоянии, так подходить к проблемам обороны страны, чтобы народ мог, не беспокоясь, вручить свою судьбу в наши руки». <¹⁴

Как видим, Годесбергская программа должна была стать основой для последующего перехода руководства СДПГ к поддержке правительственного курса по ряду принципиальных вопросов внешней и военной политики.

Свидетельством усиления реалистических начал явилось также отсутствие Германского плана СДПГ в тексте партийной программы.

Вместе с тем в программе содержалось ряд положений, не совсем согласовавшихся с подлинными интересами страны. В частности, указывалось на необходимость создания безъядерной зоны в Европе.

После Годесбергского съезда СДПГ время стало еще больше работать на реалистически мыслящие круги в этой партии. Аналогичный вывод подходил ко всем парламентским политическим партиям. В новую фазу вступал берлинский кризис.

Обращаясь к этому кризису, советская историография тщательно обходила вопрос о причинах заметно растущего бегства людей из ГДР в ФРГ в конце 50-х годов, предопределившего возникновение фазы наибольшего обострения в его развитии. Причины эти были таковы:

- 1) результаты западногерманского экономического чуда;
- 2) негативные последствия коллективизации сельского хозяйства в ГДР в 1959—1960-е годы.

Советские историки в доперестроечный период не упоминали, что 25 марта 1960 года Н.С.Хрущев объявил о намерении заключить сепаратный мирный договор с ГДР, передать ей все права по контролю над границей, доступу в Западный Берлин. Известно, что он неоднократно назначал сроки осуществления этих мер.^{< 15}

Заметим, что советская историография поверхностно отвечала на вопрос: «Почему не состоялось Парижское совещание в верхах, намеченное на май 1960 года?»

В качестве главной и единственной причины назывался полет Пауэрса. На наш взгляд, объяснение этому факту следует искать в том, что Н.С.Хрущев вплоть до 13 августа 1961 года твердо придерживался курса, намеченного 25 марта 1960 года.

Известно, что к Парижской встрече велась значительная подготовительная работа. Вместе с тем Ф.М.Бурлацкий свидетельствует: «...уже перед самым вылетом в Париж Хрущев собрал на аэровокзале заседание Президиума ЦК КПСС и предложил отменить все подготовленные ранее предложения и документы, мотивируя тем, что обстановка для соглашения неблагоприятна со всех точек зрения».^{< 16}

Показательна реакция Н.С.Хрущева на послание премьер-министра Великобритании Г.Макмиллана, пытавшегося спасти встречу в верхах в Париже между СССР, США, Францией и Великобританией. Премьер-министр Великобритании мудро считал, что инцидент с американским разведывательным самолетом У-2 не может быть причиной срыва данной встречи. «Вы,— писал Н.С.Хрущев Макмиллану,— претендуя на объективность и роль объективного судьи и государственного деятеля, заинтересованного в ослаблении международной напряженности, покрываете США». Макмиллан ответил, что было бы лучше, если бы Хрущев «отбросил эти сложности», чтобы спасти встречу в верхах, утверждая, что шпионаж является не причиной, а симптомом международной напряженности.^{< 17}

Расчет Н.С.Хрущева делался на то, что, почувствовав жесткую позицию СССР, США отступят.

После аватюристического хода, предпринятого Н.С.Хрущевым 25 марта 1960 года, лидеры СССР, советская печать перестали говорить о существовании германского вопроса.

Заметим, что, начиная с этого времени и кончая февралем 1990 года,^{< 18} между СССР, США, Англией и Францией не было ни согласовано, ни подписано ни одного документированного соглашения, касающегося

«Германии как целого». В отличие от лидеров СССР, руководители США, Англии и Франции на протяжении всех этих тридцати лет постоянно заявляли о существовании германского вопроса.

В штабах Организации Североатлантического Договора, на уровне федерального правительства стали задаваться следующим вопросом: «Что делать в связи с возрастанием угрозы возникновения военного конфликта?»

Ф.Й.Штраус свидетельствовал: «Наша точка зрения была совершенно ясна: защита Берлина — это задача западных держав. Если им будут в этом препятствовать и дело дойдет до применения оружия со стороны противника, если начнется война, то нужно будет определить, наступил ли для НАТО момент начать действия. Лишь в случае, если окажется, что это дело НАТО, могло быть предусмотрено использование бундесвера».

< 19

Между тем оставался год и несколько месяцев до очередных парламентских выборов. Продолжение нейтралистского курса СДПГ могло быть небезуспешно использовано блоком ХДС/ХСС в целях закрепления его абсолютного большинства в бундестаге.

В ужесточении советской политики по германскому вопросу крылась, на наш взгляд, одна из важнейших причин возникновения такого феномена как общность политики безопасности и внешней политики западногерманских парламентских политических партий.

Не учитывая серьезное влияние анализируемого предложения Н.С.Хрущева, советская доперестроечная историография поверхностно объясняла возникновение данного феномена. Заметим, что впервые эта общность возникла 30 июня 1960 года на заседании бундестага, на котором отправным пунктом для обсуждений был срыв Советским Союзом Парижского совещания в верхах. Ф.Й.Штраус поставил перед парламентской фракцией СДПГ серию вопросов на предмет перспектив решения проблемы преодоления раскола Германии. Закономерно возникает вопрос: «Что ему могли противопоставить в качестве реалистической альтернативы выступившие на этом заседании лидеры СДПГ Г.Венер и Ф.Эрлер, которые в 50-е годы выдвигали свои известные концепции создания системы коллективной безопасности?» Проницательный читатель, конечно же, вспомнит, что во всех этих концепциях недвусмысленно исключалось членство объединенной Германии в НАТО.

Окончательный поворот социал-демократов к реализму был, разумеется, предопределен и отчетливо прослеживавшимся в момент

обострения второго берлинского кризиса намерением Запада сохранять статус кво. С начала анализируемого кризиса он не ставил вопрос о Берлине как едином целом. Это обусловило возникновение известного коллизийного момента в отношениях между Бонном и его союзниками.

Итак, оратор от данной партии заявил в бундестаге: «СДПГ исходит из того, что европейская и атлантическая системы договоров... являются основой для германской внешней политики и политики воссоединения».

< ²⁰ Призвав федеральное правительство к совместной с оппозицией выработке внешней политики, социал-демократы набрали немало очков. Заметно расширился круг бундесбюргеров, веривших в их способность нести правительственную ответственность.

Поворот в ориентации СДПГ полностью поддержали лидеры ОНП.

Никогда еще в истории ФРГ не было такой широкой социальной и внутриполитической базы для проведения реалистической политики безопасности. Последующий ход событий еще больше работал на укрепление этой базы.

Беспрецедентные по масштабам маневры ГСВГ осенью 1960 года существенно усилили комплекс недоверия к Кремлю. Еще более жесткой стала политика Москвы с позиции силы после венской встречи Н.С.Хрущева с Э.Кеннеди, проходившей в июне 1961 года. Нет смысла комментировать следующую выдержку из состоявшегося тогда диалога этих лидеров.

Хрущев: «Война или мир — теперь это зависит от Вас. Если вы пошлете в Берлин одну дивизию, я отправлю туда две».

Кеннеди: «Вы хотите добиться любой ценой изменений, я — нет».

Хрущев: «Мирный договор с ГДР со всеми вытекающими отсюда последствиями будет подписан к декабрю нынешнего года».

Кеннеди: «Если это правда, то нас ждет холодная зима».^{< 21}

Ни на сессии Совета НАТО весной 1961 года, ни в ходе венской встречи Д.Кеннеди с Н.С.Хрущевым в июне 1961 года Запад по-прежнему не ставил вопрос о Берлине как едином целом. Есть многочисленные свидетельства того, что Д.Кеннеди на тот момент удовлетворял вариант сооружения Берлинской стены.

Разумеется, Белый Дом проработал и вариант действий на случай повторения Кремлем блокады Западного Берлина, срыва запланированного американцами прорыва в Западный Берлин на суше. В качестве ответной меры США были готовы сбросить атомную бомбу на один из советских учебных плацев в ГДР.^{< 22}

На наш взгляд, наиболее разумной была та контрмера в отношении блокады, которую предлагало федеральное правительство. Ф.И.Штраус вспоминал: «...было решено продолжать осуществлять пассажирское движение самолетами из Берлина в Берлин..., установить международную блокаду Советского Союза, отменив разрешение на посадку всех советских самолетов на Западе и конфискуя все советские суда в океанах».^{< 23} При этом четко прослеживался коллизийный момент в отношениях между Бонном и его союзниками, связанный с неприятием последними идеи международной блокады.

Вполне логичными представлялись следующие шаги, предпринятые по настоянию Ф.И.Штрауса:

1) первого августа 1961 г. приведены в состояние повышенной боевой готовности войска НАТО;

2) в бундесвер призываются дополнительно 20 тысяч резервистов, его численность доводится до более чем 350 тысяч человек;

3) в начале августа к переброске в Европу готовят дополнительно 5 отборных американских дивизий, решают повысить численность французских войск.^{< 24}

Со времен второго берлинского кризиса в историографии бывшего СССР постоянно упоминалась версия о разработке варианта «Аутлайн», то есть плана изоляции и захвата ГДР бундесвером.^{< 25} Источники, на которые опирается автор настоящей брошюры, позволяют утверждать, что такого плана не существовало. Москве было выгодно с помощью этой версии разыгрывать антиадауэровскую карту.

Незадолго до развязки кризиса у Н.С.Хрущева состоялась интересная беседа с английским послом. Последний свидетельствует: «Он... (Хрущев — <МІ>М.С.<М>) произнес: «Хочу, чтобы Вы знали, что я только что назначил генерал-майора такого-то командующим советскими войсками в районе Берлина», «...он (Хрущев — <МІ>М.С.<М>) добавил: «Вам следует знать, что генерал-майор такой-то — маршал Гречко подтвердит мои слова — восстановил порядок в Будапеште в 1956 году». «...Его (Хрущева — <МІ>М.С.<М>) угроза имела целью предупредить военную реакцию союзников на строительство стены, о котором, по его мнению, я, наверняка, знал заранее».^{< 26}

Кто же все-таки был инициатором возведения Берлинской стены? Почти приближают к истине сведения, которые можно почерпнуть из мемуаров Хрущева. Есть смысл особо выделить слово «почти», ибо в нашем распоряжении нет воспоминаний В.Ульбрихта, в которых мог быть

загнунт этот щекотливый вопрос. Неизвестно, существует ли рукопись или магнитофонная запись подобных воспоминаний. Послушаем бывшего советского лидера: «Постепенно у меня созрела мысль, как закрыть лазейку в Западный Берлин... Звоню нашему послу (в ГДР — <МІ>М.С.<М>) и прошу его взять карту Берлина, изучить ее и отметить, как конкретно проходит граница между ГДР и Западным Берлином, после чего прислать мне, соблюдая строгую секретность. И вот получил я карту, но малопонятную. Пришлось просить другую, у наших военных, подготовленную в штабе советских войск в Берлине с приложением мнения Ульбрихта.

<В>Ульбрихт полностью согласился с идеей прочного размежевания двух Берлинов и обрадовался ей<М> (выделено нами — <МІ>М.С.<М>).

Затем я уточнил места, где можно будет установить контрольные ворота, и вызвал к себе... специалистов из Министерства иностранных дел... Разработали мы необходимые предложения... Потом мы их обсудили на закрытом заседании Президиума ЦК КПСС. Иных мнений не возникло...»^{<27}

Убедительно продемонстрировав во время второго берлинского кризиса исключительно мирную направленность своей политики безопасности, правительство Конрада Аденауэра после сооружения стены твердо и последовательно вело линию на исключение военной конфронтации. Проявляя трезвость и реализм, оно никогда не просило американцев снести Берлинскую стену.

Каковы же уроки второго берлинского кризиса?

Цивилизованный мир воочию убедился, что система государственно-монополистического социализма, насильственно навязанная Кремлем народу ГДР, не способна при открытых границах соревноваться с системой социального рыночного хозяйства. Закрыв в одностороннем порядке германский вопрос, взяв его в кавычки, Москва сделала акцент на наращивание мощи ГСВГ — главной опоры режима В.Ульбрихта. Причем стержневым направлением военного строительства явилось продолжение создания потенциала для крупномасштабных наступательных операций. Следовательно, анализируемый кризис показал незаинтересованность СССР в военной разрядке в Центральной Европе. Эта незаинтересованность подкреплялась тем обстоятельством, что потеря Восточной Германии могла бы привести к утрате советского влияния на всем восточноевропейском пространстве. Не случайно существование берлинской стены воспринималось в массовом общественном сознании как символ раскола Европы.

Кризис продемонстрировал уязвимость геостратегического положения ФРГ. Он рассеял сомнения многих скептиков, сомневавшихся в необходимости оснащения бундсвера носителями ядерного оружия. Была подтверждена верность приоритетов военного строительства, избранных федеральным правительством.

Был очевиден коллизийный момент в отношениях между ФРГ и ее союзниками, связанный с пониманием данной уязвимости. Более острой чем раньше стала необходимость учета специфики ФРГ при формировании военной и военно-политической стратегии НАТО.

И, наконец, кризис показал необходимость усиления сотрудничества правительства и оппозиции по вопросам политики безопасности и внешней политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ //Международная жизнь, 1991, №7. С.116.

² //Правда, 1959, 11 января.

³ Кремер И.С. ФРГ: внутривполитическая борьба и внешняя ориентация. С.195.

⁴ Кремер И.С. ФРГ: внутривполитическая борьба и внешняя ориентация. С.195-196.

⁵ См.: //Neues Deutschland, 1957, 28.Juli.

⁶ Soell H. Op.cit. S.314.

⁷ Краткое резюме плана было представлено общественности 18 марта 1959 года.

⁸ См., например: Soell H. Fritz Erlernba, S.318.

⁹ См.: Белецкий В.Н. За столом переговоров. Обсуждение германских дел на послевоенных совещаниях и встречах. М., 1979. С.192-194.

¹⁰ Брандт В. Воспоминания. М., 1991. С.54.

¹¹ Брандт В. Воспоминания. М., 1991. С.39.

¹² Брандт В. Воспоминания. М., 1991. С.54.

¹³ //Vorwdrts, 1959, 20.November.

¹⁴ Цит. по: Pirker T. Die SPD nach Hitler, Rytten, Loening, Verlag, GmbH, 1965. S.282.

¹⁵ The two german states and european security. Ed.by F.Stephen Iarrabee. macmillan in association with the institute for east-west security studies, 1989. p.97.

¹⁶ Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники. М., 1990. С.213.

¹⁷ //Известия, 1991, 8 января.

¹⁸ //Frankfurter Rundschau. 1991, 20.Februar.

¹⁹ Штраус Ф.Й. Воспоминания. М., 1991. С.385.

²⁰ //Vorwärts, 1959, 20.November.

²¹ Цит. по: Осинский И. Советский кирпич в берлинской стене. //Новое время, 1991, №41. С.23.

²² Штраус Ф.Й. Воспоминания. М., 1991. С.387-388.

²³ Штраус Ф.Й. Воспоминания. М., 1991. С.385,386.

²⁴ Жолквер Н. Рубеж. //Новое время, 1986, №32. С.23.

²⁵ Жолквер Н. Рубеж. //Новое время, 1986, №32. С.22-23.

²⁶ Робертс Ф. Сталин, Хрущев и берлинские кризисы. // Международная жизнь, 1991, №10. С.141.

²⁷ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. Проблемы Германии. // Вопросы истории, 1994, №6. С.121-122.

Научное издание

Стрелец Михаил Васильевич

БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС 1958-1961г.г. И ЕГО УРОКИ

*Утверждено к печати Ученым Советом Брестского
политехнического института*

*Издатель Лавров С.Б.
Компьютерный набор Шелестович З.М.
Корректор Орлов И.И.*

Подписано к печати 5.06.97.

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Отпечатано на копировально-множительном оборудовании
издательства Усл.-печ.л. 2,09. Тираж 100 экземпляров.

**Издательство С.Лаврова. Изд. лиц. ЛВ №845
224023 г.Брест, ул. Московская, 275, к. 20.**